

УДК 34.65 (6.66)

Доказывание по уголовным делам: Межвуз. сб. / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1986. 184 с.

В сборнике основное внимание уделено проблемам доказывания, помимо этого рассматриваются вопросы теории и практики расследования. Он предназначен для преподавателей вузов, студентов и практических работников.

Печатается по решению редакционно-издательского совета университета

Редакционная коллегия:

В. Д. Арсеньев — отв. ред., д-р юрид. наук;
В. Г. Заблочкин — отв. за вып., канд. юрид. наук;
В. Е. Корноухов — д-р юрид. наук;
Я. О. Мотовиловкер — д-р юрид. наук;
Л. В. Майорова — канд. юрид. наук.

Рецензенты: каф. уголовного процесса и криминалистики ЛГУ;
канд. юрид. наук, доц. В. Е. Юрченко (Новосибирский фил. Свердл. юрид. ин-та).

(С)

Красноярский государственный университет, 1986

О ДВУХ АСПЕКТАХ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Понятие уголовно-процессуального доказывания по праву можно отнести к числу важнейших проблем теории доказательств, поскольку объективно оно оказывается исходным и определяющим при разрешении многих других ее проблем. Однако само это понятие не получило еще однозначного толкования в процессуальной литературе, что указывает на актуальность дальнейшего исследования названной проблемы.

К наиболее распространенной в настоящее время относится трактовка уголовно-процессуального доказывания как органического сочетания мыслительной и внешне проявляющейся практической деятельности соответствующих субъектов уголовного процесса, выражающейся в собирании, проверке (исследовании) и оценке доказательств с целью выяснения обстоятельств дела. Вместе с тем при освещении отдельных проблем теории доказательств некоторые процессуалисты используют наряду с приведенным также и другое значение понятия доказывания, определяя его как обоснование субъектом доказывания своих выводов по уголовному делу. В частности, к такой трактовке они прибегают для сохранения старой концепции обязанности доказывания согласно которой обязанность доказывания обвинения или виновности обвиняемого (подсудимого) возлагается на обвинителя (12, с. 41; 14, с. 149, 191; 295—299, 253—354; 13, с. 146—169; 10, с. 176—178; 11, с. 57—58). Сама же упомянутая концепция обязанности доказывания лежит, в свою очередь, в основе учения об уголовно-процессуальных функциях и состязательности советского уголовного процесса и играет важную роль в обосновании так называемой традиционной, или «классической», трактовки презумпции невиновности обвиняемого.

Изложенную позицию нельзя признать последовательной, логически выдержанной. Ведь если авторы допускают возможность употребления понятия доказывания одновременно в двух его значениях, то им следовало бы в таком случае исходить из двух его значений также и при решении вопроса об обязанности доказывания, т. е. давать двоякую его трактовку. При дуализме же в освещении данного вопроса они неизбежно пришли бы к дуализму в трактовке и уголов-

но-процессуальных функций, и принципа состязательности процесса, и презумпции невиновности обвиняемого, т. е. неразрешимым противоречиям в трактовке всех упомянутых проблем. Избегая такого порока при их освещении путем употребления доказывания в каждом случае лишь в каком-то одном его значении, более удобном для обоснования избранной концепции, сторонники отмеченной позиции вступают в противоречие с формально-логическим законом тождества, требующим постоянства объема и содержания мысли с предмете в процессе всего рассуждения о нем (1, с. 282; 3, с. 520—521; 5, с. 76—79; 2, с. 113—116; 4, с. 686). Несоблюдение этого требования приводит к подмене понятий, выступающих либо в качестве аргументов в доказательстве, либо в качестве тезисов, подлежащих обоснованию в нем. Вместо тезиса об обязанности доказывания фактических обстоятельств уголовного дела в смысле установления их путем собирания, проверки и оценки доказательств берется тезис об обязанности обоснования вывода об указанных обстоятельствах. В дальнейшем этот тезис используется уже в качестве аргумента в учении об уголовно-процессуальных функциях, о состязательности советского уголовного процесса и о презумпции невиновности обвиняемого. В соответствии с таким подходом утверждается, что обязанность доказывания обвинения или виновности обвиняемого (подсудимого) «лежит на том, кто выдвинул...тезис о виновности обвиняемого» (14, с. 355), или «кто представил обвинительный вывод в суд» (13, с. 168), и что суд не только не несет обязанности доказывания, но и вовсе не доказывает обвинения или виновности подсудимого (12, с. 46; 4, с. 356; 13, с. 169). Между тем обвинительный тезис, или вывод о виновности подсудимого в совершении преступления, составляет основное содержание обвинительного приговора, его описательной части (ч. 1 ст. 314 УПК РСФСР), а приговор, как известно, является решением суда (п. 10 ст. 34 УПК РСФСР), а не обвинителя. Суд излагает в приговоре только то, что он признал доказанным в результате собственной оценки исследованных им доказательств (ч. 1 ст. 314 УПК РСФСР) а вовсе не то, что признал доказанным и обосновал обвинитель в ходе судебных прений. Поскольку же в обвинительном приговоре суд излагает собственный вывод о виновности подсудимого (а его вывод может и не совпадать с выводом обвинителя), то суд обязан и обосновать его, т. е. привести в приговоре «доказа-

тельствва, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ч. 1 ст. 314 УПК РСФСР). Как видим, суд также несет обязанность доказывания виновности подсудимого даже с позиций трактовки данного понятия в смысле обоснования субъектом своего вывода по уголовному делу.

Приведенные положения закона получают и другую интерпретацию в процессуальной литературе. Спасая концепцию, В. М. Савицкий заявляет, что «обязанность мотивировать приговор не равнозначна обязанности доказывания» (13, с. 169), и пытается отыскать различия по существу в обосновании вывода о виновности подсудимого прокурором и судом. Различия, по его мнению, прежде всего в том, что «обоснование приговора — не доказывание в процессуальном смысле, а доказательство в логике, чисто мыслительная операция. Логике же неизвестно понятие обязанности доказывания — это специфически процессуальная категория» (13, с. 169). Доказывание обвинения прокурором в суде не сводится, с точки зрения автора, «к чисто логическому доказыванию», ибо «для обоснования истинности своего вывода о виновности прокурор должен доказать истинность лежащих в основе этого вывода посылок» (13, с. 162). Кроме того, «нельзя не учитывать, — указывает автор далее, — существенное различие в условиях, в которых прокурор доказывает обвинение перед судом, с одной стороны, а суд в совещательной комнате обосновывает приговор — с другой. У суда, в отличие от прокурора, вся эта деятельность... осуществляется после того, как им принято решение по делу» (13, с. 169).

Однако все его доводы неубедительны, ибо противоречивы и вовсе не свидетельствуют о различии по существу процесса обоснования вывода о виновности подсудимого прокурором и судом.

Заключительная фраза в приведенной цитате, как это нетрудно увидеть, противоречит исходному положению автора, что с момента утверждения прокурором обвинительного заключения сформулированный в нем «обвинительный тезис следователя становится тезисом самого прокурора, а содержанием его деятельности в судебном разбирательстве — доказывание этого тезиса перед судом» (13, с. 160; 8, с. 125—126). Известно же: два несовместимых суждения не могут быть одновременно истинными, хотя могут быть оба ложными. С подобным явлением мы имеем дело и в данном случае,

Свою деятельность в суде по обоснованию обвинительного тезиса прокурор осуществляет также не до, а после того, как им принято решение по делу, ибо его обоснование (или вывод) о виновности подсудимого предполагает наличие решения как у суда, так и у прокурора. Ведь нелегко же обосновывать не принятое еще решение или не сформулированный еще вывод.

Нельзя согласиться и с исходным положением В. М. Савицкого, ибо только при совместном составлении обвинительного заключения сформулированный в нем обвинительный тезис может быть признан одновременно тезисом как следователя, так и прокурора. Поэтому прокурор, лишь утвердивший обвинительное заключение, не становится его соавтором, как справедливо замечает А. Я. Дубинский, ведь «соавтор — это лицо, которое участвует в процессе творчества, а не то, которое, получив готовый продукт творческого труда, соглашается с возможностью использования» (7, с. 59).

Кроме того, анализ перечня вопросов, разрешаемых прокурором при утверждении им обвинительного заключения, показывает, что он разрешает их для того, чтобы убедиться только в наличии фактических и юридических предпосылок (оснований) для направления дела в суд, а не в виновности обвиняемого. Перечень и характер этих вопросов не позволяют ему при их разрешении сформировать свое убеждение в виновности обвиняемого, так как прокурор разрешает при этом вопросы, в принципе аналогичные разрешаемым в стадии предания суду, и также в условиях отсутствия непосредственности в восприятии доказательств. Если же согласиться с тем, что разрешение указанных вопросов формирует убеждение в виновности обвиняемого, то следует признать лишенным смысла недопустимость предрешения при этом вопроса о виновности обвиняемого при предании его суду, так как суд (судья) не смог бы избежать нарушения установленного законом запрета.

Положения ч. 3 ст. 248 и ч. 4 ст. 295 УПК РСФСР дают основания сказать: прокурор формирует свой вывод о виновности подсудимого не ранее окончания судебного следствия, ибо такой вывод, в истинности которого он убежден, выступает как результат оценки всей совокупности исследованных в суде с его участием доказательств. Правила же оценки доказательств являются едиными и для прокурора, и для суда (ст. 71 УПК РСФСР). Различия внешних условий дея-

тельности суда и прокурора по обоснованию своих выводов по делу не влияют на содержание и характер их деятельности. Различны они потому, что разрешает дело суд, а правильное разрешение его обеспечивается «в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей» (ч. 2 ст. 16 УПК РСФСР). Для обоснования истинности своего вывода о виновности подсудимого суд также «должен доказать истинность лежащих в основе этого вывода посылок», ведь правила логического доказательства носят всеобщий характер и устанавливают, что в качестве аргументов (посылок) могут выступать только такие положения, истинность которых уже доказана (3, с. 139—272; 2, с. 236—238). Это значит: аргументы в процессе доказывания должны не превосходить, а достоверно обосновываться (2, с. 236—238). Именно поэтому закон (ч. 1 ст. 314 и ст. 344 УПК РСФСР) требует, чтобы суд приводил в приговоре не только доказательства, на которых основаны его выводы по делу, но и те мотивы, по которым он принял одни доказательства и отверг другие.

Обоснование прокурором обвинительного тезиса также не является доказыванием в процессуальном смысле, ибо требование автономного обоснования аргументов указывает на то, что такая его деятельность вовсе не сливается в единый акт доказательства с достоверным установлением им исходных предпосылок. Для подтверждения истинности каждой из них нужны другие несомненные данные, и они, в свою очередь, должны быть прежде получены и проверены. Действия же по получению и проверке этих данных находятся за пределами обоснования истинности не только обвинительного тезиса, но и лежащих в его основе исходных посылок.

Следовательно, обоснование субъектом доказывания своих выводов по делу нельзя называть доказыванием, а тем более — процессуальным, ибо термин «доказывание» известен лишь науке уголовного процесса, а обозначаемая им деятельность регулируется нормами процессуального права. Логическое же доказательство протекает по своим собственным, общим для всех, объективным законам, которые нет необходимости воспроизводить в процессуальных нормах. Определяя правила доказывания, процессуальный закон предписывает его субъектам порядок исследования обстоятельств дела, побуждающий их действовать и мыслить в соответствии с объективными закономерностями познания. Иначе говоря, «процессуальные нормы воспроизводят эти закономер-

ности в трансформированном виде применительно к специфике следственной и судебной деятельности» (15, с. 295). Если бы процессуальное доказывание совпадало с логическим доказательством, то по указанной выше причине не возникло бы специального правового явления — института доказательственного права. Такой институт возник и развивается в связи с необходимостью законодательной регламентации главным образом практических действий субъектов доказывания, направленных на собирание и проверку доказательств, поскольку производство последних неизбежно связано с применением принуждения. Процессуальная же регламентация оценки доказательств лишь дополняла регламентацию их собирания и оценки в связи с потребностями обеспечения правильного разрешения уголовных дел. Из процессуальной регламентации познания фактических обстоятельств уголовных дел возникло понятие процессуальной формы доказывания, являющейся важной стороной и каждого элемента процесса доказывания. Следовательно, и оценка доказательств как мыслительная деятельность получает определенное внешне объективированное выражение. Обеспечивается это тем, что субъект доказывает, излагает выводы по делу в соответственных процессуальных актах. При таком положении обоснование субъектом доказывания своих выводов по делу служит лишь элементом процессуальной формы оценки доказательств и по этой причине не может рассматриваться даже в качестве отдельного элемента процесса доказывания, как это делают некоторые авторы (16, с. 13; 6, с. 217—219), а не только в качестве одного из аспектов понятия процессуального доказывания.

1. Горский Д. П. Логика. М., 1963.
2. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 1982.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
5. Формальная логика. Л., 1977.
6. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
7. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные вопросы. Киев, 1984.

8. Заменицкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979.

9. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев, 1984.

10. Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971.

11. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.

12. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.

13. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971.

14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I.

15. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

16. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.